

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

В. В. Кондрашин, А. М. Никулин

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: vikont37@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. Интервью доктора исторических наук, профессора В. В. Кондрашина отражает основные вехи его биографии как человека и ученого на фоне истории науки и политики России XX–XXI веков. В этой биографической рефлексии запечатлены события детства, пробудившие в ребенке интерес к истории, преодоление трудностей вхождения в академическую жизнь юноши из народа, выживания историка в условиях социального кризиса 1990-х годов. Важное место в интервью В. В. Кондрашина занимают размышления о его учителях историческому ремеслу со школьной и университетской скамьи до академических аудиторий — В. В. Данилова и В. В. Кабанова, М. Левина и Т. Шанина. Значительная часть интервью посвящена важнейшим направлениям исторических исследований Кондрашина и его коллег. Это прежде всего история российской и советской деревни в условиях революций и реформ XX века, отразившаяся в крестьянских войнах, политике НЭПа, коллективизации, Второй мировой войне и позднесоветском периоде аграрной истории. Интервью не замыкается исключительно на российском историческом контексте — Кондрашин касается международных аспектов интернациональных научных проектов, связанных с изучением истории голода 1932–1933 годов в СССР, а также собственно феномена выживания и развития Советского Союза в его взаимодействии с ближними и дальними соседями-странами. Именно поэтому в интервью уделяется много внимания сотрудничеству российских ученых с коллегами их Украины, Белоруссии, Казахстана, стран Восточной Европы, Франции, Англии, США, Японии, Австралии. Особая часть интервью — размышления на тему «историк и власть». В силу своей активной общественной позиции В. В. Кондрашину приходилось и приходится достаточно много заниматься разнообразной общественно-политической деятельностью, включая опыт работы сенатором в Совете Федерации. Интервью завершается обсуждением новых творческих планов ученого в год его шестидесятилетнего юбилея.

Ключевые слова: история, крестьянство, революция, реформы, НЭП, коллективизация, СССР

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-135-171

А. М. НИКУЛИН: Виктор, я рад, что в этом биографическом интервью в год твоего шестидесятилетия мы поговорим о твоей судьбе ученого и человека. Естественно, начнем с времен детства, а затем примемся обсуждать историческую хронику дальнейших событий жизни.

В. В. КОНДРАШИН: Я родился в семье рабочего и крестьянки. Отец был крестьянином, уехал в город учиться, а после армии так в городе и остался. Записано, что я родился в Пензе, но мое детство проходило в селе Иваньере, откуда был родом мой отец, это Лунинский район Пензенской области. Маму мою он привез из Западной Белоруссии из деревни Луцевичи, с хутора. Служил там в армии и увез маму в Пензенскую область. Мама рассказывала, как после родов носила меня на руках в райцентр в Лунино, чтобы меня там осмотрел врач. Кстати, я давно уже депутат Заксобрания Пензенской области. Однажды было заседание, на котором обсуждалось строительство новой дороги от села Иваньере до Лунино, и было сказано, что дорога 7 км. Я возмутился: «Меня матушка носила на руках, там 4,5 км! Откуда взяла лишние километры?» И губернатор в ответ: «Ну что же, пусть Виктор Викторович и контролирует строительство этой дороги, раз он ее хорошо знает!»

А. М. НИКУЛИН: Проконтролировал?

В. В. КОНДРАШИН: Ну да, мы это дело подкорректировали. В дальнейшем отец стал работать на компрессорном заводе в Пензе. Интересно, что, когда я уже был сенатором, однажды в разговоре с нынешним директором этого завода, на котором отец проработал всю жизнь обычным токарем, я сказал ему об этом, а он мне: «Мы планируем поставить у завода памятник токарю — давай с твоего отца сделаем?» И вот сейчас в Пензе есть памятник токарю, который стоит в сквере завода СтанкоМашСтрой — и это мой отец! С него ваяли скульптуру! Матушка, Надежда Онуфриевна, была на открытии памятника, рассказывала, что рабочую робу, как на скульптуре, она стирала всю жизнь. Отец простоял за одним станком 35 лет: был специалистом высшего разряда, с личным клеймом на изготавливаемые им детали. Поскольку он и мама были из деревни, все летние каникулы я обычно проводил в деревне — либо в Иваньере, либо ездил в Белоруссию.

А. М. НИКУЛИН: Иваньере — это мордовское название?

В. В. КОНДРАШИН: Нет, это в переводе на русский язык «Иваново место». Да, с мордвой связано, потому что это мордовские места, но там были земли московского Чудова монастыря, монастырская земля и монастырские крестьяне. Туда русских перевели, и образовалось русское село в мордовском окружении. Большое было село. Семья бабушки была достаточно зажиточной, поэтому деда раскулачили, но бабушка в колхоз не вступила, была очень набожная. После того, как ее муж, мой дед, погиб на войне, жила всю жизнь одна, воспитывала двух сыновей. Я, бу-

дучи подростком, участвовал в Иванырске в бабушкиных моленьях, прекрасно знал псалтирь. Когда стал студентом пединститута, написал дипломную работу о духовной семинарии, «революционном движении молодежи в годы империализма», как тогда говорили. Так что сам я выходец из рабочих и крестьян, у которого все детские годы прошли в деревне. Там же получил свою первую зарплату за то, что с двоюродным братом вывозил навоз из колхозного коровника. Было мне тогда лет 8–9, я сидел на лошади и «рулил», а брат накладывал вилами навоз. Заплатили мне тогда 5 рублей, что ли. На эти деньги я купил шкатулку для матушки, которую она сохранила до настоящего времени. Отец-то выпивал, пришлось терпеть его пьяные выходки, но токарем он был прекрасным и человеком прямым, честным, правдоруком. Помню, как в подпитии он называл свое заводское начальство «лжекоммунистами». Мать я очень жалел всегда. В общем, все детство я провел в деревне: пас коров, работал на току, и опыт по «деревенской части» у меня большой. В деревне мне нравилось, особенно в белорусской, где люди были позажиточнее и повеселее, чем в Иванырске.

А. М. НИКУЛИН: Ты бывал и в белорусской деревне, и в пензенской?

В. В. КОНДРАШИН: Да. Сейчас я руковожу большим совместным проектом Федерального архивного агентства и Национального архива Республики Беларусь Министерства культуры и архивов Белоруссии о развитии экономики Беларуси. Под моей редакцией уже подготовлено два тома, первый называется «Восстановление сельского хозяйства советской Белоруссии» — я предложил посвятить его моей бабушке Степаниде и всем белорусским крестьянам, пережившим военное лихолетье. Но «высоким начальством» было сказано: «Почему же только крестьянам? Партийные органы тоже работали!» — так что решили никому не посвящать. Сейчас завершаю работу над второй книгой о развитии сельского хозяйства Белоруссии в 1946–1950 годы, там у меня собран большой материал, и я обязательно посвящу ее бабушке, которая всю жизнь проработала колхозницей. Мама моя, 1940 года рождения, хорошо помнит ситуацию, когда в Западной Белоруссии создавались колхозы, как за них агитировали. Как кричали женщины, когда в деревне появился первый комбайн, как плакали, когда коров отдавали. Как радовались, что в колхозах стали платить деньги, что стали жить лучше, чем в единоличном хозяйстве. Она помнит и как при немцах жили. А бабушка после колхоза работала сторожем в мехколонне, находившейся рядом с ее хутором. Сначала там была военная база, в том числе немецкая во время войны. И немцы, охранявшие эту базу, жили у нее в доме. А потом, в конце 1950-х годов, на этой базе папа служил. Я все время расспрашивал бабушку: как было при поляках, как было при немцах, что она помнила про партизан и т.д. — так я и заинтересовался историей. Бабушка говори-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

ла: «О, будет профессор Дудка!» (в Польше был какой-то известный профессор Дудка). И она меня так называла. Кстати, один мой дед служил в польской армии, потом в Красной, погиб. Другой дед служил в Красной армии. Тоже погиб. Один — под Сталинградом, другой — при освобождении Польши. Мой интерес к крестьянству был связан с тем, что я всегда любил жить в деревне. И моя мама очень хотела, чтобы я из простой семьи «выбился в люди», старалась давать мне какое-то развитие. По ее настоянию я стал учиться в музыкальной школе, играть на баяне и балалайке. Когда приезжал в Белоруссию, бабушка находила баян, и на вечеринках я «жег» белорусские песни. Мне очень нравился крестьянский труд. Я знаю поведение коров — поскольку я их пас, а также гусей, собак. Все через меня прошло, я никогда не ощущал себя на 100% горожанином. В Пензе учился в школе, которая находилась рядом с районом Райки, где, как говорили в городе, жили «враги советской власти»: бывшие кулаки, спецпоселенцы, вернувшиеся из ссылки и тюрем, поэтому этот район был бандитским. И 14-я моя школа считалась «тяжелой», в ней было много проблемных детей, «уголовников». Долгое время особых успехов в учебе я не показывал, болтался в основном на улице: меня даже на учет в детскую комнату милиции ставили за драки. В классе 7–8-м я вместе со студентами ездил на «перевоспитание», получил 3-й разряд каменщика. Недавно возвращаясь в Пензу к матушке, которой исполнялся 81 год, дай Бог ей здоровья, проезжал через Кузнецк и Махалино, где на кирпичном заводе работал подростком и со студентами строил котельную. Мои родные места! А потом вдруг появился интерес к истории.

А. М. НИКУЛИН: Но ведь и в неблагоприятной хулиганской среде надо бы иметь интеллект и любознательность. Здесь тоже способности нужны.

В. В. КОНДРАШИН: Ну я не был никогда забитым. Классе в 7–8-м стал боксом заниматься, чтобы мать защищать от отца, когда он пил. И в 8-м классе даже бросился на него с кулаками. Неплохой был боксер, но после того, как мне выбили челюсть, боксом заниматься перестал. И в школе был спортсменом. У меня обнаружили определенные способности к спорту — хорошо бегал, бросал гранату — метров на 45, представляешь? Был жилистый такой. Потом даже стал чемпионом по большому теннису в регионе, мастеров обыгрывал. Физически я был воспитан на улице и в секциях. При этом все отмечали, что у меня есть трудолюбие и упорность, что я трудолюбивый человек.

А. М. НИКУЛИН: Вот не знал, что у тебя такой спектр спортивных достижений! Но ты же еще прекрасно на гитаре играешь, когда ты после баяна еще и гитару освоил?

В. В. КОНДРАШИН: Ну я ее как любой подросток осваивал. У меня много гитар, штук 5–6: привез из Японии «Ямаху», дорогую классику. Когда ездил с Владимиром Бабашкиным в Корею, в Сеул, по приглашению историка Ким Чан Джина, который женат

на богатой женщине, владелице клиники, там в музыкальном магазине увидел отдел гитар, зашел, взял самую дорогую и стал на ней играть. Ким позвонил жене, она скомандовала: «Купить!» Купили. Затем она сняла на вечер кафе в Сеуле и пригласила туда всевозможную интеллигенцию. Я играл на гитаре, Владимир с женой на фоно и потом мне эту гитару подарили! Но я мечтал о классической испанской гитаре, которая стоит очень дорого, очень! К моему 60-летнему юбилею моя жена Лена сказала: «Давай продадим гараж и купим гитару?» Продали, не хватило, добавили, что было, и у меня появилась Пруденсио. В Москве таких гитар продавалось всего две. Мадагаскарский кедр! Такая вот у меня спутница жизни. Я ее уже 32 года люблю.

А. М. НИКУЛИН: Но не все подростковые гитаристы доходят до исполнения Баха или Генделя.

В. В. КОНДРАШИН: Раньше я на баяне в основном играл. В институте пару раз на концертах художественности исполнял на баяне Битлз «Естудей», «Мишель», «Герл». Потом баян забросил. В институте каждую осень мы выезжали в колхоз и там организовывали «ансамбль», где я был басистом, так как еще в школе играл в ансамбле на бас-гитаре. Голос был, потом пропал. На бас-гитаре я играл довольно прилично для школьного и студенческого ансамблей, но потом понял, что мне просто нравится играть на гитаре. Инструмент не громкий, камерный, можно на нем потихоньку брэнчать и никому не мешать. И я стал играть на гитаре для собственного развития, даже играл в метро в Москве за деньги, и полонез Огинского, и Франциско Таррегу. Когда работал ассистентом Моше Левина, был на стажировке в институте Кеннана и на пару недель пропал, потом появился в Филадельфии грязный весь, поскольку на перекладных ездил туда и обратно из Вашингтона в Сан-Франциско, в Университет Беркли, где находился Славянский центр. И Левин мне сказал: «Что Вы как машина, так нельзя! Если Вы так будете жить, Вас надолго не хватит! Самая хорошая тренировка для мозга — это игра на музыкальном инструменте». Сейчас после болезни ковидом обратил внимание, что играю «Сарабанду» Баха и вдруг не помню, что дальше играть. Начинаю по нотам восстанавливать, потом вдруг еще кусок партитуры забываю. Иными словами, игра на музыкальных инструментах — это и удовольствие, и форма поддержания интеллекта, поэтому я каждый день стараюсь играть на гитаре. Причем я играю только то, что мне нравится, например, «К Элизе», «Лунную сонату» Бетховена, «Фолию» Фернандо Сора, «Арию» Баха, «Зеленые рукава», Packerington's round и т.д. Эта музыка берет за душу! И появляется желание работать и радоваться жизни.

Да, так сложилось, что гитара — это отдых, но это и помощь. Когда одно время я работал в Пензе завкафедрой в педагогическом университете, появились проблемы — меня пытались «поставить на место», мешали, сталкивали с ректором. И я думал — что

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

же мне делать? Я ведь просто работаю и никому ничего не доказываю. Но люди разные, одни меня ценили, а другие палки в колеса вставляли. И я решил выступить на институтском концерте художественной самодеятельности в честь 8 марта: сыграл «Вальс» Гомеса в ми-миноре, «Город золотой» с вариациями В. Вавилова — и стал «народным артистом»! Проректор говорил: «Какой еще профессор у нас так выступает?! Оставьте его в покое, пусть занимается». Так что иногда музыка помогает. В Архиве экономики (РГАЭ) я на юбилее играл на баяне, потом сотрудники архива говорили про меня: «О, это гармонист!» Нужен был билет в Америку, но его не было, и мне достали билет как гармонисту. А еще у меня был опыт игры в метро, играл в лихие 90-е. Я понял, что людям нужно создавать настроение. На праздновании вышеупомянутого юбилея Архива экономики выступал профессиональный баянист из Росконцерта, так сотрудницы архива ко мне подошли: «Виктор, давай лучше ты играй!» И я как вдарил по клавишам — тот баянист мне потом сказал: «Ты лучше, у тебя кураж есть». Кураж должен быть! Если музыкант без куража демонстрирует высокую технику исполнения, эффекта не будет. В метро было так — обычно играл только то, за что давали больше денег: «Синий платочек», «На сопках Манчжурии», «Прощание славянки», «Кадриль». Играю, а милиция меня начинает выгонять из метро. Тут женщины бросаются на защиту — мол, пусть играет, для семьи старается, и хорошо играет! Впервые я спустился в метро на заработки в феврале 1992-го, когда понадобились деньги на банкет после защиты кандидатской диссертации. Эту идею подсказали мне мои друзья по аспирантской общаге на Островитянова, где я жил. Я сначала возмутился: «Как это я пойду, как какой-то нищий, позор!», а потом деваться-то некуда: «Ну ладно!» Лучше всего я играл «матросские песни», одетый в тельняшку, — развернешь меха, сразу рубль кладут! Потом я понял, что не надо изображать «матроса», надо просто создавать людям своей игрой хорошее настроение. Одевался опрятно и играл. Как правило, за игру платили москвичи, идущие на работу или с работы, не приезжие! Самые лучшие «денежные места» в московском метро — переход с «Кировской» на «Тургеневскую», с «Театральной» на «Охотный Ряд». Еще был большой переход с кольцевой на радиальную на станции «Павелецкая». Все музыканты хорошо знали эти места.

Как я стал работать в проектах Теодора Шанина? Играл на баяне в метро, в переходе между «Кировской» и «Тургеневской», сейчас это «Чистые пруды», в середине зала и меня увидел там Виктор Петрович Данилов. Сначала опешил, остановился, посмотрел на меня и пошел дальше... Потом предложил в качестве историка участвовать в Шанинском проекте «Сельская Россия»: писать очерк села Лох. Моя «зарплата» в этом проекте равнялась 26 долларам.

А. М. НИКУЛИН: К музыке еще вернемся. Вот ты сказал: «У меня стал проявляться интерес к истории». А когда?

В. В. КОНДРАШИН: Интерес к истории — в 9-м классе. У нас тогда появился новый предмет «Обществоведение» и стали изучать историю России XX века. Но самое главное — новая учительница, преподававшая эти предметы, Семушкина Антонина Ивановна, одновременно ставшая и классным руководителем в классе, где я учился. Она была заслуженным учителем, кавалером ордена Трудового Красного Знамени. Такая высокая добродная, властная женщина. А класс у нас был 0-го-го — некоторые из одноклассников потом в тюрьму сели, сейчас поумирало уже большинство... И она сумела нас всех «построить». Я еще химией увлекался, любил этот предмет, даже химикаты «воровал» у химички, но потом она их «официально» мне выдавала. Помню, отец принес с завода банку серной кислоты, чтобы я опыты ставил. Но в 9-м классе началась История, и я неожиданно обнаружил, что у меня память хорошая! Возник какой-то спортивный интерес, я стал заучивать тексты по истории и обществоведению и потом их воспроизводить. Антонина Ивановна поддержала мой интерес, и я решил, что буду поступать в пединститут на исторический факультет. Все смеялись: «Кондрашин учителем? Да он же бандит!» У нас завуч по воспитательной работе была, в школу мою маму вызывала за мои проделки, и мама плакала, потому что завуч говорила ей, что я кончу в тюрьме. А потом в этой же школе я стал считаться чуть ли не лучшим выпускником за все годы ее существования! Второй «лучший» — ныне действующий пензенский губернатор, из этой же школы. Причем нашу школу лет 15–20 назад ликвидировали, слили с другой.

В свое время я был сенатором, членом Совета Федерации ФС РФ, а моим «преемником» в Совете Федерации стал Олег Владимирович Мельниченко, сейчас — губернатор в Пензе. Как-то раз мы ехали с ним в поезде, и я говорю ему: «Олег, мы же с тобой учились в одной школе! А ее куда-то присоединили, ликвидировали, восстанови ее, пожалуйста» — и он восстановил! В Пензу недавно приезжала В. И. Матвиенко, и вместе с О. В. Мельниченко посетила именно восстановленную им нашу 14-ю школу! В школе мой портрет как одного из лучших спортсменов висел на доске почета. Но в 9-м классе я заинтересовался именно историей, в 10-м, как уже говорил, решил поступать в пединститут. Чтобы добиться этой цели, стал учиться по-настоящему! Учить все школьные предметы. До 9-го я как учился: нравится мне, так я выучу и отвечу, не нравится — троечник. Тогда чтобы легче поступить в вуз, нужно было в 9–10-м классах набрать в аттестат 75% четверок и пятерок. И в 9-м классе я стал отличником по большинству предметов. Легко запоминал статью страниц на 5–6, выходил и просто ее тарабанил, и в школе, и в институте. Все смотрели и удивлялись. Цитаты какие-то заучивал

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

в огромном количестве. Сейчас тоже могу запомнить, но быстро забываю, а тогда — нет. Так что полюбил историю, потому что бабушка в Белоруссии уж больно интересно рассказывала про войну и про все на свете, а в школе учитель истории хороший появился. В результате в 1978 году я поступил на историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского. К своему 50-летию я написал книгу «Люди во времени. Записки историка», назвал ее так, перефразировав своего любимого историка Марка Блока, автора всем хорошо известного «Ремесла историка», где он назвал историю наукой о людях во времени. В юбилейной книге я поместил свои публикации и размышления на исторические темы и посвятил я ее своей школьной учительнице истории Антонине Ивановне Семушкиной.

А. М. НИКУЛИН: Не знаю про эту книгу, если остался экземпляр — дай почитать!

В. В. КОНДРАШИН: Ладно. Когда я работал в Пензенском государственном педагогическом университете заведующим кафедрой и профессором, увлекся литературой, появилось хобби: в Институте усовершенствования учителей выступал с лекциями о том, как писатели занимались историей. Написал серию статей на эту тему: «Исторические сюжеты в творчестве Есенина», «Малышкин и коллективизация», «Лермонтов как буревестник революции», «Пушкин как историк». Последняя опубликована в Вестнике истории, литературы и искусства отделения историко-филологических наук РАН (2016. № 11. С. 116-131). В общем, возник интерес к истории, поэтому и стал историком. В Пензе иногда говорят, что я чуть ли не первый пензенский историк после В. О. Ключевского, который книги пишет, работает в Москве. Конечно, это перебор. С 1997 года я работаю завкафедрой истории России и методики преподавания истории ПГПУ (ПГУ), недавно опять переизбран на 5 лет. Моя кафедра — одна из лучших гуманитарных кафедр в университете. После моего приезда в Пензу, появилось пять или шесть докторов исторических наук, один из них — Олег Васильевич Ягов — вице-премьер пензенского правительства, Ольга Александровна Сухова — декан исторического факультета, настоящая звезда современной аграрной историографии. У меня всегда был и остается неподдельный интерес к талантливым людям, я вообще люблю людей. Историк должен любить людей и изучать их, но, конечно, не как «подопытных кроликов».

А. М. НИКУЛИН: У Марка Блока есть метафора: «Настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечинной, там, он знает, его ждет добыча».

В. В. КОНДРАШИН: Большую роль в моем становлении как историка сыграл Моше Левин, Михаил Львович, профессор Пенсильванского университета США. Он сумел привить мне особое

отношение к людям, к историческим источникам. Также я считаю себя учеником Виктора Петровича Данилова, хотя он и не был педагогом в классическом смысле этого слова, так как воспринимал своих учеников как конкурентов и особо не возился с ними, в том числе и со мной. Когда я защищал кандидатскую диссертацию в 1992-м в Институте российской истории РАН, моим вторым оппонентом был Василий Петрович Попов, в настоящее время известный историк-аграрник, профессор, доктор наук. На Ученом совете он предложил присвоить мне сразу степень доктора, так как моя кандидатская диссертация была в двух томах, в ней использовались и социологические материалы (результаты обследований 102 деревень 5 областей Поволжья и Южного Урала), и документы 65 архивов ЗАГС, в которых вручную мною были пересчитаны десятки тысяч справок о смерти, рождениях, чтобы восстановить картину голода 1932–1933 годов. Наряду с ними была перелопачена масса архивных документов. Большая была проделана работа, в двух томах! Но Данилов сказал: «Знаешь, у нас уже были подобные работы, я, например, молодым написал большую диссертацию, так что у нас не принято, чтобы сразу в доктора наук». А потом после защиты заявил: «Ты остановился в своем развитии, тебе надо менять тему». И я ее сменил: защитил докторскую диссертацию по новой теме «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.».

Еще на меня как на историка «по-крупному» повлиял профессор Виталий Иванович Лебедев — руководитель дипломной работы в институте. Энциклопедист, краевед, изумительный человек, интересный, простой! Когда я поступил на первый курс и был отправлен с другими первокурсниками на сельхозработы, находившемуся вместе со студентами преподавателю И. Ф. Вилкову понадобились молодые люди, чтобы собирать в архиве материал по истории совхоза «Имени Октябрьской революции», где они и шли. Так в 17 лет я впервые попал в архив (Государственный архив Пензенской области) и корпел там над документами с открытия и до закрытия, буквально не вставая из-за стола. Уж очень увлекательно было работать с документами! А рядом сидели старые, заслуженные архивные работники и травили байки на исторические темы. Своей усидчивостью я поразил пославшего меня в архив преподавателя, который потом и познакомил меня с В. И. Лебедевым.

Виталий Иванович поддержал мой интерес к истории духовной семинарии, так как я с детства интересовался религией. В студенчестве я был худой, с длинными волосами, носил бороду и не был активистом-общественником или «блатным» (из «хорошей семьи»). На истфиле тогда училась местная элита — дети начальства, партработников и т.д., я же там оказался случайно. Будучи студентом, все свободное время ходил в архив, просмотрел там весь 120-й фонд Пензенской духовной семинарии. Побеждал в вузовской и межвузовских студенческих олимпиадах по истории. С 3-го курса ездил

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

в Москву, Ленинград, где работал в библиотеках и архивах по теме участия пензенской молодежи в революционном движении. Опубликовал на целый подвал в «Пензенской правде», областном партийном органе, статью «У истоков партии» о пензенцах — членах «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»! Нашел учительниц из Пензы, которые работали с Н. К. Крупской в воскресных школах Питера, установил агента «Искры» родом из Пензы! Это возмутило местных «партийных» краеведов: «Какой-то сопляк покусился на историю партии!» Кто посмел доверить ему такое «святое дело»! А потом я еще выяснил, что «пензенские марксисты», о которых писалось в очерках Пензенской организации КПСС, были на самом деле не марксистами, а эсерами. Виталий Иванович Лебедев поощрял мое увлечение историей и предложил писать дипломную работу по указанным сюжетам под названием «Пензенская молодежь в революционном движении в эпоху империализма». Ездил в Питер в архивы, в Москве работал в ЦГАОРе (ГАРФ), где изучил отчеты Особого отдела полиции о ситуации в Пензенской губернии. В Саратове, в архиве нашел дело Саратовской судебной палаты о революционной организации пензенской молодежи.

В институте я учился хорошо, но меня невзлюбили некоторые преподаватели, особенно одна «англичанка», которая в свое время работала в Англии, в пединституте на английском языке она преподавала историю американской литературы. У меня было свободное посещение, и я пропускал ее занятия, на экзамене она вlepила мне тройку. Еще был преподаватель по философии, который тоже за непосещение поставил четверку. В результате у меня в дипломе в зачетке с оценками все до одной пятерки, одна тройка и четверка. Декан предлагал пересдать: «Ты что, идиот, тебе же «красный диплом» дадут!» Но я отказался. Хотя по английскому языку в дипломе было «отлично».

В ПГПИ я учился на истфиле по специальности «Учитель истории, обществоведения и английского языка», так что у меня вторая специальность — «Учитель английского языка». Когда после окончания института я работал в школе и вел английский язык, то на уроках под баян распевал с младшими школьниками английские песенки. Мне нравилась «методика» петь песни с маленькими детьми. До сих пор я общаюсь со своими учениками, которые у меня учились в школе. Когда я окончил институт, меня распределили в далекую деревню: было обидно, потому что дипломная работа была защищена на «отлично» и ее хвалили. Но я не был комсомольским активистом и на комиссии по распределению мне сказали: «Раз ты такой умный, вот и езжай-ка деревню». Но Лебедев Виталий Иванович следил за моей судьбой, и когда появилась возможность трудоустроить в вуз, помог мне в этом. Он определил меня в сельхозинститут, на кафедру истории КПСС и научного коммунизма завкабинетом. Именно в Пензенском сельско-

хозяйственном институте я стал серьезно заниматься аграрной историей. У меня до сих пор хорошие контакты с Пензенским аграрным институтом, дружу с его ректором О. В. Кухаревым, кафедрой, на которой я там работал, в настоящее время возглавляет мой аспирант Э. Н. Мавлюдов.

В 1986 году, работая в сельхозинституте, я прочитал роман Михаила Алексева «Драчуны», в котором описаны впечатления подростка о голоде 33-го года в саратовской деревне. Роман произвел на меня сильное впечатление. В 87-м в журнале «Коммунист» была статья В. П. Данилова о коллективизации, а в 88-м его статья в «Вопросах истории» о голоде 1932–1933 годов — под влиянием прочитанного я стал собирать материалы об этом голоде в Пензенской области, работал в архиве ЗАГС, опрашивал очевидцев. Одновременно думал об аспирантуре. Завкафедрой Истории КПСС и научного коммунизма сельхозинститута Иван Федорович Вилков, где я работал завкабинетом, знал Данилова через его коллегу и друга Владимира Васильевича Кабанова, работавшего вместе с Виктором Петровичем в одном секторе в Институте истории СССР АН СССР. И он мне сказал: «Съезди к Кабанову, может, тебя в аспирантуру возьмут, направление выьем как-нибудь. Но чтобы получить направление в аспирантуру, стань активистом». И я вошел в комитет комсомола сельхозинститута, через месяц стал зам. секретаря комитета ВЛКСМ, а через три месяца — секретарем комитета. Развернулся! Провел митинг в поддержку американского доктора Хайдера, который голодал по уже забытой мною сейчас причине. Организовал закрытое студенческое комсомольское собрание сельхозинститута, где была принята резолюция «Наказ делегатам XX съезда ВЛКСМ», «Наказ ректорату и Ученому совету» — какие порядки в институте надо вводить и т.д. Однажды идет заседание парткома, где я сижу как секретарь комитета ВЛКСМ и слышу: «У нас сейчас проблема с парторгом в учхозе — учебно-опытном хозяйстве в Рамзае. Давайте туда Виктора парторгом пошлем, укреплять кадры». Я им: да мне в аспирантуру! Они: работаешь годик, поедешь в аспирантуру! Ну тогда я говорю: так я же не член партии, как же буду беспартийным парторгом? Члены парткома: как не член партии?! И тогда приказом ректора меня с должности завкабинетом переводят в старшие лаборанты, я становлюсь «рабочим» и по «рабочей квоте» принимаюсь в партию! Потом опять вернулся на старую должность на кафедре. Но парторгом не стал, так как получил заветное направление в аспирантуру и поехал в Москву.

Приезжаю в Институт истории СССР АН СССР, в Даниловский сектор, к Кабанову с рукописью о голоде в Пензенской губернии. Захожу в 31-й кабинет, где в настоящее время в Институте российской истории РАН находится Центр экономической истории, который я возглавляю, вижу Данилова. Передаю ему рукопись. Он говорит: «Так, это про голод? Ага... Ну что же, а Вы в аспиранту-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

ру будете поступать?» Я говорю: «Да, собираюсь, у меня направление есть». Он: «Это хорошо, что по направлению, возьмем Вас». И вдруг я попадаю в больницу и, с трудом передвигаясь после операции, по телевизору в программе «Мысль» вижу заседание редколлегии журнала «Вопросы истории», где Виктор Петрович говорит: «Вот, молодой парень из Пензы прислал нам в редакцию статью о голоде 1933 года, мы будем ее публиковать». Я думаю: «О, красота какая!» После больницы еду с документами в отдел аспирантуры АН СССР, где получаю отлуп: «Из сельхозинститут в Академию наук аспирантов не берем! У Вас есть своя профильная аспирантура, вот и идите туда — в Сельхозакадемию». Понурый, приезжаю в Институт истории СССР и говорю Кабанову и Данилову — так, мол, и так... И вдруг Данилов, ставший к тому времени руководителем сектора, заявляет: «Раз так, тогда подавай заявление в основную аспирантуру Института». А там — всего два места и конкурс со всей страны: семь человек на место! Начал готовиться к экзаменам. Первый экзамен по специальности, помню, принимал Владимир Петрович Дмитренко. Вторым членом приемной комиссии был Владимир Иванович Буганов, третьим — Данилов. Вопросы были: указы манифеста Пугачева, монография Н. М. Дружина «Русская деревня на переломе», и третий — по проблеме индустриализации. Сдал на «отлично». Второй экзамен — философия. Потом уже узнал, что Владимир Васильевич Кабанов дружил с председателем комиссии Александром Петровичем Беликом, который 15 лет отсидел в сталинских лагерях. Он автор известной монографии «Социальная форма движения: явления и сущность». Матерый такой мужик был. И, видимо, Кабанов пошел к нему и сказал, что мне надо «5». Конечно, я что-то учил, учебники читал — поставили «5». И третий экзамен — английский язык. Хоть я и имел диплом учителя английского языка, но язык уже подзабыл. Но память была хорошей, поэтому в огромном количестве заучил кучу разных английских текстов. Получил «4». Потом выяснил, что Кабанов и туда ходил: мол, надо его принять! И в ноябре 1988 года меня приняли вместе с Игорем Николаевичем Слепневым: сейчас замечательный историк, сотрудник РФФИ. Моим научным руководителем в Институте истории СССР АН СССР стал Данилов, которому понравилась моя работа о голоде.

А дальше сложилось так, что когда мне утвердили тему про голод в деревнях Поволжья, то выяснилось, что архивные документы закрыты, и вообще нет никаких источников по данной теме. В этой ситуации Кабанов посоветовал: «Ты пока походи по деревням, а там, может быть, что-то изменится». С его участием, а также Виталия Ивановича Лебедева я составил анкету «Свидетеля голода 1932–1933 гг. в деревнях Поволжья». Моя теща Людмила Степановна с тестем Леонидом Николаевичем распечатали ее в сотнях экземпляров в НИИ в Пензе, где они работали. Затем мне дали бумагу из Академии наук СССР за подписью вице-президента

АН СССР В. Н. Кудрявцева: «Председателям облисполкомов, райисполкомов Саратовской, Волгоградской, Самарской... областей. Академия наук просит оказать содействие аспиранту, выполняющему научное поручение...». Также я ходил в Министерство юстиции РСФСР, где по ходатайству Института истории СССР АН СССР мне дали бумагу, разрешавшую работать в областных и районных архивах ЗАГС. С этими бумагами я три года ездил по районам и деревням и собирал нужную мне информацию. На втором году обучения в аспирантуре стали открываться архивы и у меня появилась возможность работать там по теме диссертации. К этому времени я уже собрал и обработал 617 свидетельств голода в Поволжье и на Южном Урале. В моей первой книге о голоде представлен список всех крестьян, которых я опросил, и деревень, которые посетил. Так что большую помощь оказал мне Владимир Васильевич Кабанов.

Виктор Петрович Данилов следил за моим «хождением в народ». Как-то я поехал в село Прудовое Екатерининского района Саратовской области для записи воспоминаний свидетелей голода. Там мне рассказали про председателя, который в годы войны издевался над женщинами, пойманными с горстями зерна. У меня была красная книжка (удостоверение аспиранта) с гербом СССР, и для местной власти я был писателем, журналистом из Москвы. Ее представители обычно рассказывали мне про местные достижения, но в данном случае я выразил сомнение в праве деятеля военного времени из Прудового считаться местным героем. Это вызвало негативную реакцию районного начальства. Дело дошло до первого секретаря райкома, которому я «как коммунист коммунисту» попытался обосновать свою позицию и объяснить важность проводимой в районе исследовательской работы. Данилов, узнав о моих проблемах, предпринял активные шаги по моему «освобождению» и защите от возникших и потенциальных неприятностей. В конце концов дело замяли. В феврале 1990 года в газете «Комсомольская правда» вышла статья С. Заворотного и П. Положевца «Операция “Голод”». Ее авторы знали мою историю в Екатерининском районе и хотели рассказать читателям, как меня мучили «за правду» «партократы», но я попросил их не делать этого. В этой статье было сказано: «Молодой историк Кондрашин не побоялся обвинить Сталина в организации голода».

Мои трехлетние «хождения в народ» — это бесценный опыт работы «в поле». 41 деревня, 26 районов пройдено только в Саратовской области. Я ее пешком всю обошел! Где только я не был! В Больше-Глушицком районе Самарской области меня убить хотели, ночью в районной гостинице произошла пьяная драка. Я «наехал» на местных строителей, которые не давали никому спать. Не знаю, как я выдрал решетку кровати руками и стал ею махать. Увидев такое, дебоширы разбежались по углам. Затем я проехал по местам юности Виктора Петровича Данилова, посетил город

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

Орск Оренбургской области, откуда он родом. В Новоорском районе ходил по местам, о которых он рассказывал. В Оренбургской области обошел 15 деревень, доехал до Рудного клада — самого южного района, граничащего с Казахстаном. Так был собран материал, который позволил мне сформировать четкую позицию по теме голода, понять отношение очевидцев трагедии к этой проблеме.

Так что в моей судьбе как историка огромную роль сыграли бабушка моя Степанида Андреевна Британчук, учительница истории Семушкина Антонина Ивановна, Лебедев Виталий Иванович — в институте, Владимир Васильевич Кабанов и Данилов Виктор Петрович в Институте российской истории. И, конечно, Моше Левин. В 2015 году у меня в Париже вышла книга про голод на французском языке и должна была быть презентация. Чуть раньше в Париже умер Левин, и я хотел попасть к нему на могилу, но не знал, где она, попросил помочь братьев Береловичей, Алексея и Владимира. Алексей Берелович сказал, что найдет женщину, которая контактировала с Левиным и знает, где он похоронен. Через три дня выяснилось, что Михаил Львович похоронен на кладбище Монмартра, а мы с Леной жили в гостинице на Монмартре, на улице Лёпик, рядом с «Мулен Руж», и от гостиницы до могилы Левина было всего 10 минут ходьбы пешком. Я был поражен: первый раз во Франции, первый раз в Париже, ищем могилу Левина, а она от нас в 10 минутах! Это было чудо какое-то.

Конечно, Левин — выдающийся исследователь, он лучше всех понял суть советского строя. Я был на презентации его последней книги «Советский век» в Швеции, которую организовал Ленарт Самуэльсон (в 2007 году в издательстве «Планета» она была издана на русском языке по инициативе Глеба Павловского). В этой книге Левин доказал, что в СССР был государственный капитализм в чистом виде. Он писал: если на клетку с жирафом повесить табличку «Бегемот», от этого жираф бегемотом не станет. Точно так же никакого социализма не было, советское государство эксплуатировало население в своих интересах. И еще Левин считал, что в истории России не было ничего случайного. Те политические режимы, которые возникали, появлялись закономерно для решения насущных проблем. Например, сталинский режим был подходящим для подготовки к войне и для самой войны, но для мирной жизни он не годился, поэтому, когда Сталин умер, никто не захотел сохранить созданный им режим, все хотели жить по-другому, даже его ближайшее окружение. Они фактически про него забыли, осудили и стали делать все по-своему.

Я помню одну дискуссию Левина с Явлинским, по-моему, и с Джульетто Къеза, написавшем книгу «Прощай, Россия» о неизбежном распаде России. С Къеза я встретился в 2016 году на выборах в Тирасполе, где был наблюдателем от Совета Федерации, и он туда приехал как наблюдатель. Я его спросил: «Ну что, пропала Россия или нет?» Так вот, Левин не считал, что Россия обя-

зательно распадется. Он назвал условие, которое не позволит ей распасться: это грамотное население. Люди, которые получили и получают качественное образования — умные, они не дадут этого сделать. Поэтому пока в России будет система образования, воспроизводящая умных людей, интеллектуально развитых и прочее, она не развалится. Она изменится, но не исчезнет. Когда я писал историю села Лох в Шанинском проекте, ждал поезд на станции Старые Бурасы. Он подходит, а пассажиры из окон кричат: «Эстер родила уже?» А им в ответ: «Нет, еще не родила!» — в это время по телевизору показывали очередную серию «Богатые тоже плачут». Левин говорил, что в подобных сериалах почему все «плачут»? Да потому, что все без высшего образования. А в наших сериалах герои злые, недовольные и им чего-то не хватает, почему? Потому что образованные, умные, с высшим образованием. Так что у России есть будущее, пока есть наука и образование. Вот так я бы ответил на вопрос о том, кто помог мне стать историком — бабушка, учительница, научный руководитель дипломной работы в институте, потом — Данилов, Кабанов и Моше Левин. Еще не могу не сказать доброго слова о Петре Серафимовиче Кабытове, самарском историке, подвижнике науки. В этом году ему исполнилось 80 лет. Больше 20 лет мы дружим. Я познакомился с ним в период работы над сборником документов «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах» даниловско-шанинского проекта. Он продемонстрировал образец изучения истории России на региональном уровне.

А. М. НИКУЛИН: Можешь подробнее рассказать про еще одного своего учителя — Теодора Шанина? Как ты вошел в даниловско-шанинский проект?

В. В. КОНДРАШИН: В феврале 1992 года я уже защитил диссертацию. Но Теодор сформировал во мне человеческие качества исследователя, я увидел у него то, что у меня было чисто стихийно: мне не нравились снобы, не нравились умники со степенями, которые унижают коллег. Я помню, когда учительствовал, пытался попасть в аспирантуру в московский пединститут: у меня тогда была неплохая работа по истории молодежного движения, она на 100% тянула на «кандидатскую», и публикации тоже были. Но меня не взяли, так как я не был член партии и не имел связей. И в Саратовском университете было то же самое. За мной никто не стоял, я не приехал по звонку какого-нибудь Иван Ивановича, не был сыном кого-то, в общем — никто... И вдруг встречаю Шанина, который никогда не ходил в костюме, никогда! Я был поражен его отношением к работе. Видел, чем он отличался от Данилова, который считал, что не надо явно проявлять искренних человеческих чувств. Хотя — был эпизод, когда он хотел, чтобы я жил в квартире его сына, и даже ездил показывать эту квартиру, а после окончания аспирантуры пытался устроить меня в Никольский институт. Я получил разрешение от РАН на обмен квар-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

тиры родителей в Пензе на Москву, чтобы иметь здесь жилье. Но... Когда он узнал, что я женился не на москвичке — о! — а ведь вокруг меня много перспективных московских барышень крутилось. И в аспирантуре я в капустниках участвовал, в волейбол играл за Институт истории СССР. В команде находился Павел Юрьевич Уваров (в настоящее время член-корреспондент РАН). Он был председателем экспертного совета ВАКа, а я его членом — это тот состав экспертного совета, который проголосовал за лишение докторской степени Мединского (его потом разогнали). В ИРИ РАН я разной общественной работой занимался, но в основном — в архивах сидел, а потом все рухнуло. Всё...

Так вот, про Шанина. Когда все рухнуло, я защитился, но у меня не было работы. Жил в общежитии на улице Островитянова, на нелегальном положении. 1992 год, прописка закончилась в феврале. Нет работы, что мне делать? Начал играть на баяне в метро, чтобы заработать деньги для своей семьи. Помню, как приходил после игры в метро с чемоданом денег и час пересчитывал рубли и копейки. Затем работал грузчиком в Лужниках. В это время Данилов с Шаниным стали готовить проект социологов и историков по изучению деревень. Как я уже говорил, Данилов меня увидел в метро и предложил участвовать в проекте: за 26 долларов в месяц писать историю села. Я знал, что саратовские социологи активно работают, в том числе в селе Лох Новобурасского района Саратовской области — а я же знал эту территорию, в Новобурасском районе в ЗАГСе работал по кандидатской диссертации. Попросил у Данилова разрешение писать про Лох — он согласился. Меня включили в проект, я стал ездить в Саратов, где работал в архиве. Причем денег почти не было, поскольку отдавал их семье.

Жить в Саратове где-то надо было, и я попросил Данилова дать какую-нибудь официальную бумагу, что я участник проекта. Приехал с ней в Саратов на перекладных в 5 утра на электричке Пенза — Ртищево — Саратов, нашел ближайший Институт механизации сельского хозяйства. Смотрю, все закрыто, потом мужик какой-то заходит. Я — за ним. Оказался ректор. Я — к нему. Он: ты кто такой? Я: вот, у меня бумага, я пишу историю села, мне жить негде, помогите. И начал рассказывать про проект, про Данилова, про Шанина. И он мне выписал бумагу, которую я храню как антиквариат. В ней написано: «Поселить тов. Кондрашина в общежитие № 3 без оплаты и на указанный им срок». Тогда у меня в день было две вареные картошины и огурец. Худой был страшно. А потом наступил «счастливый момент»: в общежитие приехали сдавать экзамены заочники. Их подсадили в мою комнату. Это были лесники — не особо говорливые люди. Однажды один из них обратился ко мне с просьбой, мол, не могу ли я обосновать актуальность темы его дипломной работы. А тема была такая: «Технология рубки леса в Шентаклинском леспромхозе».

Я написал. Он прочитал — о! И посыпались «заказы» от других «лесников»-заочников. И лесники начали меня кормить! Я оказался на их полном пансионе. Вечером из архива прихожу, а на столе уже и картошка, и мясо, и самогонка!

В конце концов материал в архиве о селе Лох я собрал, но был еще районный архив, и я поехал в Новые Бурасы. Сначала решил жить в палатке. Готовил на костре, но понял, что такой жизни на недели две-три мне не выдержать. Случайно познакомился с директором местного краеведческого музея Михаилом Абдурахмановичем Тиагалиевым, казахом по национальности. Он меня поселил в музей — там медведь с дубиной стоял в экспонатах, еще что-то, никаких удобств не было. Но жить было можно. Ходил в архив в Новых Бурасах. Самое смешное было, когда я пришел в районный архив ЗАГС, где я когда-то работал над кандидатской диссертацией, и меня туда не пустили, потому что не было разрешения! Но зато в районном архиве я прочитал все годовые отчеты колхозов «Красная звезда» и имени Молотова, которые были организованы в селе Лох. Тогда же познакомился с социологами, работавшими в селе. И вот настало время знакомства с Теодором. Оно произошло в санатории имени Константина Федины, в Переделкино, где собрались участвовавшие в Шанинском проекте историки и социологи. Я представил рукопись истории села Лох, 150 страниц, кажется. Помню, приехал, захожу в помещение санатория, где начиналось заседание, меня Данилов представляет Теодору Шанину, Авениру Павловичу Корелину, который был экспертом по написанным историками очеркам селений. И вдруг Корелин заявляет, глядя на меня: а, это тот автор, у которого написано матом. Я опешил, но вспомнил, что нашел документ в архиве об отношении крестьян села Лох к столыпинской аграрной реформе, в нем было зафиксировано, что где-то в трактате во время пьяного разговора один из крестьян сказал о столыпинском указе, что он написан не рукой, а... Я воспроизвел это в очерке и вызвал к себе интерес — «это тот, у которого матом написано!». Вот так познакомился с Теодором и с коллегами, ставшими потом моими друзьями на всю жизнь: Сергеем Есиковым, Василием Саблиным, Владимиром Ильиных и другими нынешними докторами исторических наук.

А. М. НИКУЛИН: А после этого были еще встречи с Теодором?

В. В. КОНДРАШИН: Да, когда Данилов перешел на работу в Центр крестьяноведения, созданный в МВШСЭН Шаниным, стал его директором вместе с Татьяной Ивановной Заславской. Там же я стал участником проекта Теодора и Данилова «Крестьянская революция в России» и других: «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание». В то время я нигде не работал, жил на деньги, которые получал от проектов и работы грузчиком в Лужниках (последнюю потом бросил). На рынке было место, которое не инте-

В. В. Кондрашин,

А. М. Никулин

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

ресовало профессиональных грузчиков — переход от метро «Спортивная» до самого рынка. И вот мы на тележках подвозили товары челноков. Познакомился с местными грузчиками — им было со мной интересно общаться, но все заканчивалось пьянкой. Там и бандиты какие-то приходили, кого только не было. Когда возвращался после работы в общагу, валился с ног, ничего не хотел и не мог писать. В конце концов бросил это дело, когда Виктор Петрович познакомил меня с Моше Левиным, и я стал его ассистентом, он мне платил приличную стипендию. И тогда уж я имел возможность чаще видеть Шанина, общаться с ним. Кроме того, еще я стал участником теоретического семинара МВШСЭН «Современная концепция аграрного развития России», организованного Теодором. Помню, мое выступление на одном семинаре понравилось Татьяне Ивановне Заславской. Она отметила, как я ответил на вопрос: «В чем была суть исторического пути, который прошла Россия за последние 100 лет?» Я сказал: «Это был переход от аграрно-крестьянской России к промышленно-индустриальной, процесс трансформации крестьянской страны с помощью реформ и революции». И дальше я размышлял о феномене дач в России, задаваясь вопросом — почему американские рабочие в годы Великой депрессии не засевали картошкой пригороды Нью-Йорка, а у нас, наоборот, все бросились на дачи вместо протеста против власти.

И еще один момент был: я «выстрелил» статьей «Голод в крестьянском менталитете», которую меня попросил написать Данилов для симпозиума о менталитете 1994 года, готовившегося по линии Академии наук. Помню, Виктор Петрович звонит, предлагает написать, я сел и написал текст часа за три. Открывается симпозиум, первым выступает американский исследователь Стивен Хок и начинает меня ругать, потом выступает академик Л. В. Милов и начинает меня хвалить. Я обалдел. Сейчас эта моя статья о менталитете занимает 1–2-е место среди всего того, что я сделал в своей жизни. С. Г. Кара-Мурза в своих книгах ее часто цитировал. Так я был, видимо, замечен, стал участвовать в семинарах, общаться с Теодором. Но по-настоящему я с ним сблизился уже после 1997 года, когда вернулся в Пензу, где мне Педуниверситет дал квартиру и кафедру. Тогда же на базе этой кафедры я создал экспериментальную площадку «Моя малая родина» в селе Степановка Бессоновского района. Чуть позже мой друг и аспирант Виктор Малезёв защитил кандидатскую диссертацию «Село Степановка в контексте общественно-политической и социально-экономической истории России». Если занимаешься наукой — у тебя должен быть интерес, кураж, как и в музыке и любом деле. Став завкафедрой в Пензе, я стал потихоньку разворачиваться. Но уже по-настоящему сблизился с Теодором, когда умер Данилов, в 2004 году.

А. М. НИКУЛИН: А докторскую когда ты защитил?

В. В. КОНДРАШИН: В 2001-м. Была такая интересная история: в 1997-м я стал докторантом Института российской истории,

а до этого работал по проектам Данилова и Шанина, получал за это деньги, на баяне играл, грузчиком работал. Одновременно дружил с заведующим аспирантурой и докторантурой Института российской истории Николаем Семеновичем Райским. Он мне постоянно давал подработку, я с ним институт ремонтировал, постоянно что-то делал. И однажды Райский говорит: «Давай, мы тебя в докторантуру возьмем, будет, где кости бросить, что ты везде мыкаешься! Скажем Данилову, если он откажется, мы тебя возьмем в другой сектор без проблем». Через некоторое время звоню Данилову, и он мне говорит: «Знаешь, мы тебя в докторантуру рекомендовали, тему скажешь сам, приходи на ученый совет». Я прихожу, ведет заседание Дмитренко: «Виктора знаем, рекомендуем, тему он нам скажет потом». Так меня приняли в докторантуру, опять дали московскую прописку, и я начал писать докторскую диссертацию. Данилов мне сказал: «Ты же делаешь сборник по крестьянскому движению в Поволжье в рамках проекта «Крестьянская революция в России», поэтому пиши-ка ты докторскую по крестьянскому движению в Поволжье». Я начал писать и случайно помог секретарю парткома Пензенского педуниверситета защитить докторскую диссертацию о текстильной промышленности, средне-проходную, нашел ему хорошего оппонента, главреда «Отечественной истории» Илью Евгеньевича Зеленина. На банкете в Казани защитившийся и другой его оппонент, декан исторического факультета ПГПУ Виталий Владимирович Горшуляк, узнав от Зеленина о моих бытовых мытарствах в Москве, возжелала моего возвращения в Пензу. Спросили Илью Евгеньевича, если мне кафедру дать и квартиру, приеду обратно в Пензу? А я только из Америки вернулся, в докторантуру поступил, все было на мази. Приезжаю в Пензу, меня — к ректору. Вспомнилось: в свое время, когда я еще про Лох писал, в палатке жил, сон увидел, что на белой машине меня везут и показывают какую-то квартиру. И вот я захожу к ректору университета, который говорит: «Виктор Викторович, если дадим Вам квартиру и кафедру, вы согласитесь? Поедемте, я покажу квартиру». И мы на его на белой «Волге» отправляемся! И это когда я после возвращения из Института Кеннана США, заручившись поддержкой Левина, планировал снова на год вернуться в Кеннана, а потом остаться в Америке навсегда. Левин говорил Данилову, что «Виктор может писать докторат у меня». Но Данилов возразил ему, что писать я буду у него.

Потом я попал в докторантуру, в институт Кеннана... Директор института Кеннана Блэр Рубл был аспирантом Моше Левина: «Рубль», как он его называл. Конечно, я бы мог претендовать на годовую стажировку с зарплатой 36 тысяч долларов, тогда это были бешеные деньги. И вдруг такая вот история. Моя жена узнает об этом. А у нас не было ни квартиры, ничего. Мне было тогда 36 лет. И в 36 лет я стал завкафедрой и профессором Пензенского педуниверситета. Данилов воспринял эту новость

как предательство: «Кондрашин — карьерист, он променял науку на должность!» В 1998 году, когда я подготовил рукопись докторской, неожиданно приостановили работу диссертационного совета ИРИ РАН. Но докторская была нужна, потому что мне дали квартиру, и все ждали, когда же я стану доктором, чтобы подтвердить право на эту квартиру в Пензе, что получил я ее не просто так. И в этой ситуации я решил защититься у Эрнста Михайловича Шагина в Московском педагогическом государственном университете, он был оппонентом Виктора Петровича и к нему Данилов относился очень плохо. В последний момент, когда диссертация была готова, и уже оформлялись документы, я вдруг подумал, что, действительно, могу променять свою научную репутацию на «хорошее место». И при свидетелях разорвал текст диссертации и выбросил его, сказав, что не буду защищаться. Конечно, потом в университете были проблемы, но важнее было то, что после этого я стал жить своей жизнью и поступать так, как мне подсказывало сердце

А потом возникла история с Махно — надо было делать сборник документов о Махно в рамках проекта «Крестьянская революция в России». Однажды я приехал в Институт всеобщей истории, где был Данилов, и там шло обсуждение какой-то большой проблемы по аграрной истории. Выступил Виктор Петрович своему ассистенту Сергею Мякинкову сказал: «Передай Виктору, если он хочет восстановить отношения, должен участвовать в сборнике о Махно, а выступил он неплохо». Еще бы! Ведь я всю ночь готовился, выучил каждую фразу, чтобы показать себя. После этого я снова работал с Даниловым. И тут Данилов погибает... И когда он погиб, я начал с Теодором активно контактировать. Он приезжал в Пензу, выступал на научной конференции, мы с ним договорились, что доделаем монографию о крестьянской революции, которую он планировал написать с Виктором Петровичем. Получилась рукопись в 700 страниц. В то время не было компьютеров, куда можно было все записать, поэтому у меня отдельные куски глав сохранились, например, глава «Мина замедленного действия» об отмене крепостного права.

А. М. НИКУЛИН: Я помню, ты несколько раз приезжал и обсуждал ее.

В. В. КОНДРАШИН: Да, да. Так мы с ним начали активно сотрудничать и общаться. Особенно во время работы над Махно — было понятно, что надо ее доделать, материалы были, но их было мало, и Теодор нашел средства, чтобы продолжить. Помню, я как-то пришел к нему и говорю: «Нужны деньги, я нашел интересные факты о Махно: в биографической хронике Ленина написано, что Чичерин принес Ленину вырезки французских газет о Махно. Я нашел эти газеты в архиве РГАСПИ, в фонде Ленина, но я не знаю французского, нужен переводчик!» И Шанин дал деньги. Перевели, опубликовали в сборнике, как француз Фран-

суа Руже, журналист, попал в плен к Махно, а потом в Париже описал свои впечатления, в том числе, что девиз армии Махно: «Один за всех и все за одного!», что Махно образованный человек, читавший Дюма (это был полный бред с точки зрения того, что знали тогда о Махно). Мы посвятили сборник памяти Данилова. Когда я стал членом Совета Федерации, мы с женой ездили к нему домой, он угощал нас в ближайшем ресторане, и я записал на диктофон его многочасовые воспоминания, которые хочу передать Шанинке. Теодор мне рассказывал о проблемах МВШСЭН. К его юбилеям я опубликовал о нем пару статей. В общем, Теодор стал для меня образцом ученого и человека, который может вдохновить, поддержать. Общение с ним — это всегда радость, ты получаешь какой-то позитивный заряд.

А. М. НИКУЛИН: Да, было такое, он намагничивал всех какой-то энергией.

В. В. КОНДРАШИН: Здесь в МВШСЭН было всегда доброжелательное ко мне отношение... Самый счастливый эпизод с Теодором — на конференции в Афинах, посвященной 100-летию Русской революции. Ее организовал Афинский университет и, по-моему, греческие анархисты. Нас поселили в общежитии с тонкими стенками и скрипучими кроватями, была какая-то столовая-забегаловка, а он еще и забыл взять деньги! Я сказал: «Теодор, ты мне столько времени помогал, можно я буду за тебя платить?» Я за него платил и был счастлив, потому что это был тот самый случай, когда мы с ним много общались. Он жил в соседнем номере, ему было тяжело ходить, и я его сопровождал — в лифт, везде. Был свидетелем его доклада на конференции, он выступал целый час, отвечал на вопросы, а позже блистал на вечеринке. И еще один эпизод — его двухчасовое интервью греческим журналистам, которое он дал в задрипанном кафе общежития, в подвале. Он рассказывал о своей жизни. Было очень интересно. Теодор был счастлив, что попал на эту конференцию, выступил там, жил в студенческом общежитии. У меня осталась афиша на греческом языке с именами докладчиков, в том числе Теодора Шанина.

А. М. НИКУЛИН: Для Шанинского музея было бы здорово афишу эту заполучить. Открытие этого музея намечено на 14 декабря этого года.

В. В. КОНДРАШИН: Поищу фотографии, как он выступал в деревне. Кстати, он приезжал в село Степановка Бессоновского района Пензенской области и на краеведческой конференции делал доклад о важности крестьянских проблем. Моя аспирантка задала ему вопрос: «Смотрите, крестьянства ведь нет. Значит, все? Ушло крестьянство, ушла культура — значит, уже все?» И он ответил: «Знаете, в действительности носителями крестьянской культуры являются ученые люди, которые собирают, изучают ее и потом их знания передаются через систему образования новому поколе-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

с академиком А. О. Чубарьяном и Александром Алексеевичем Даниловым, который был тогда председателем экспертного совета ВАК, и он мне говорит: «Виктор, письмо пришло в ВАК. Коллективное. Против Кананеровой и против тебя, чтобы лишить ее ученой степени». — «От кого?» — «От Даниловой, Мошкова, Вылцана и т.д.». И потом Данилова едет в Вологду на аграрный симпозиум и там ходит с бумагой, чтобы собрать подписи против Шанина, что якобы Кананерова с Шаниным захватили архив Данилова и чуть ли не продают его на «Сотбис» за бешеные деньги. А Шанин тоже был на этом симпозиуме. После смерти Данилова стали думать, что делать с его бумагами, и решили создать его личный фонд в Российском государственном архиве экономики, по аналогии с фондом Чайнова. Папки с рабочими материалами, которые были в Центре крестьяноведения МВШСЭН, отвезли в РГАЭ. Моя аспирантка использовала их, когда писала диссертацию, сослалась на них: «Личный архив В. П. Данилова», эта сноска стоит в автореферате. Людмила Валерьяновна, увидев это, решила, что якобы разворовывается архив. И еще ее возмутило в автореферате: «Авторами концепции крестьянской революции в России являются Теодор Шанин и Виктор Данилов». Она-то считала, что только Виктор Данилов. А Шанин якобы «примазался». Это — ложь. Кроме того, когда Данилов умер, Теодор сделал все, чтобы его достойно проводить в последний путь! Он дал деньги на могилу на Востряковском кладбище. При жизни обеспечил в МВШСЭН Данилову хорошие деньги, за счет которых вся семья Виктора Петровича хорошо жила. А вдова написала, что «Кондрашин нашел Кананерову, она стала агентом Шанина». В общем, в духе: «Шанин — агент Антанты», организовавший операцию по захвату архива Данилова, а Кананерова искажила роль Данилова в историографии, поскольку будут думать, что не он, а Шанин является автором концепции крестьянской революции в России!» Но я-то помню хорошо, как все было! И доказательством того, что Теодор является соавтором концепции, — его книга «Революция как момент истины».

А. М. НИКУЛИН: Это 1985–1987 годы, публикация на английском языке.

В. В. КОНДРАШИН: Русский вариант — вышел в 1997-м. Женя Ковалев переводил, Станислав Васильевич Тютюкин редактировал эту книгу. В общем, была такая неприятная «кампания». Людмила Валерьяновна пыталась заставить историков-«аграрников» подписаться против Кананеровой и против меня. Николай Алексеевич Ивницкий, выдающийся исследователь истории коллективизации, мне потом рассказывал, что когда к нему обратились по этому вопросу, он ответил: «Пошли вы к черту, я знаю Виктора!»

А. М. НИКУЛИН: Шанин был оскорблен до глубины души. Сколько он сделал для Данилова и его семьи — а вдова такой скандал учинила.

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

В. В. КОНДРАШИН: Да, это было низко. Впоследствии Людмила Валерьяновна завещала похоронить себя не с Виктором Петровичем, а в другом месте.

А. М. НИКУЛИН: Горько, конечно. Сам Шанин говорил, что в истории такое сплошь и рядом: делаешь добрые дела, а тебя потом оболгут...

В. В. КОНДРАШИН: Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что именно Теодор дал толчок исследованиям Виктора Петровича Данилова, без Теодора у него не было бы возможности реализовать проект о крестьянской революции. Кроме того, Данилов никогда не занимался крестьянским движением, он был специалистом по НЭПу и коллективизации, кандидатскую написал о создании материально-технических предпосылок коллективизации. Я хорошо знаю библиографию работ и Данилова, и Шанина. К новой теме Виктор Петрович обратился под влиянием Шанина. Сейчас их концепция подвергается в ряде случаев нелюбезной и даже оскорбительной критике. Есть автор, который в 2019-м, когда я был в Японии приглашенным профессором университета Тохоку, прислал мне текст статьи, где очень некорректно охарактеризовал работу Данилова и концепцию крестьянской революции. Другой, написавший диссертацию о крестьянском союзе, развернул целую кампанию в соцсетях о том, что проекты Данилова были чуть ли не вредительскими. Ну подлец, самый настоящий. Я прервал с ним все отношения, полностью. Данилов и Шанин — это настоящие рыцари науки.

А. М. НИКУЛИН: Да, они сделали огромное дело. Шанин многим способствовал для интеграции России после эпохи «железного занавеса» в международное академическое сотрудничество.

В. В. КОНДРАШИН: Если речь идет обо мне, то он инициировал очень глубокое изучение важнейшей темы — темы участия крестьянства России в революционных потрясениях эпохи индустриальной модернизации. По сути, это целое новое направление, когда в течение десятилетия в научный оборот введены целые комплексы источников об участии крестьянства в политике. Причем радикального участия! Я сейчас думаю, что если бы они были живы (Данилов и Шанин), то согласились со мной, что опубликованные ими сборники документов следовало дополнить сборниками об участии крестьян в выборах в Государственную Думу и Учредительное собрание.

А. М. НИКУЛИН: А есть такие публикации?

В. В. КОНДРАШИН: Есть по приговорам: как составляли приговоры в Госдуму. А вот описать, как проводили в Думу самых авторитетных односельчан, как «трудовики» формировались — это очень хорошие темы для исследований. Шанин и Данилов взяли для изучения трагические и яркие страницы участия крестьянства в политике, когда доведенные до отчаяния крестьяне шли на крайние меры. Надо помнить, что никогда крестьяне не шли

на восстание, если существовала возможность решить проблему другим образом. Меня сейчас некоторые обвиняют: «Посмотрите, сколько было сельских общин, и сколько крестьян участвовало в крестьянских выступлениях!» Но ведь открытые выступления — это вершина айсберга, потому что были другие массовые формы протеста — жалобы всевозможные, судебные тяжбы всякие... Если же доходило до открытых конфликтов, то это когда людей доводили до крайности. Поэтому не надо думать, что крестьяне — тупые и безумные люди, которые, чуть что не так, берутся за вилы и топоры. Они берутся за вилы и топоры, когда власть доводит их до этого состояния. И крестьянская революция — это прежде всего приговор власти. Если власть довела свое население до поножовщины — это приговор ей самой. Любое открытое крестьянское выступление — свидетельство неспособности власти предотвратить его мирным способом, с помощью реформ. Поэтому крестьянская революция — это красноречивый приговор царскому самодержавию. И Данилов и Шанин об этом рассказали языком документов в проекте «Крестьянская революция в России». Жаль, что монографию по теме проекта не успели написать.

А. М. НИКУЛИН: Да, времени уже не хватило. В описании твоего биографического пути мы остановились на том, что ты возвратился в Пензу и стал завкафедрой. А с другой стороны, ты затронул тему «политика и история». Мне кажется, что в советские времена завкафедрой и профессор — это уже в некоторой степени должность номенклатурная, впрочем, у тебя дальше появляются должности и чины, ты превращаешься после защиты докторской в «генерала от науки», получаешь государственное признание, международные поездки. Ты участвуешь в официальных спорах о голодоморе с Украиной... Ты стал сенатором. И волей-неволей ты уже не просто ученый, а государственный и политический деятель.

В. В. КОНДРАШИН: Конечно, когда я переехал в Пензу, я продолжал активно заниматься наукой. Но так получилось, что именно в это время мои наработки начали давать результаты, у меня выходили книги. Большое спасибо Андрею Константиновичу Сорочкину, директору РОССПЭНА, который заметил мои исследования и опубликовал их в своем издательстве. Как заведующий кафедрой я определил свою задачу помогать интересным людям. Я наблюдал интересных молодых людей, которые работали рядом в университете, но не имели никакого профессионального движения. В свое время Левин мне говорил: «Ты должен быть доктором наук в университете, тогда сможешь поддерживать молодых и способных, тогда будет интересно жить».

А. М. НИКУЛИН: Он про политиков так говорил: «Действительно, талантливый политик, всегда умеет окружать себя плеядой талантов!»

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

В. В. КОНДРАШИН: Да, да. И я начал активно работать. Мне удалось помочь подготовить 6 или 7 докторов наук. Это сейчас достаточно известные люди, и в области крестьяноведения, в том числе — уже упомянутая ранее Ольга Сухова, например. И дальше так сложилось, что мне нравилось выступать перед учителями и в других аудиториях. Пару раз я попадал на какие-то передачи местного телевидения на исторические темы. Председатель Пензенского Законодательного собрания как-то ехал на работу и увидел мое выступление по ТВ, удивился, что есть человек, который так ярко рассказывает. Мною заинтересовались и в конце концов предложили стать депутатом Заксобрания. Я выиграл выборы, стал депутатом. Однажды было выездное заседание Заксобрания, часа три ехали на автобусе, было скучно, и попросили меня что-нибудь рассказать. Губернатор потом неоднократно вспоминал эту историю: «Мы приехали, автобус остановился, а никто не выходит — Виктор Викторович еще не закончил. Решили даже поехать на автобусе в Москву, чтобы Виктор Викторович нам дальше рассказывал!»

Потом так сложилось, что я начал серьезно думать о будущем. Был какой-то тупик — низкая зарплата, много проблем. А я тогда активно участвовал в международных конференциях, публиковался и неожиданно получил большую поддержку как ученый со стороны Елены Александровны Тюриной, директора Российского государственного архива экономики. В 2007–2008 годах в связи с актуализацией темы украинского голодомора, выводом ее украинским руководством на уровень ООН и ПАСЕ, в России возникла необходимость отреагировать на это каким-то образом. Стали искать специалистов. И Елена Александровна убедила начальство, что к этой работе надо привлечь меня. За это я ей очень благодарен — она сыграла и продолжает играть в моей судьбе очень важную роль. Сейчас мы делаем сборники документов о голоде в Казахстане, по истории экономики Белоруссии. А тогда, в 2007 году я был назначен научным руководителем, ответственным составителем, редактором документальной серии Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934». Поначалу решили сделать небольшой сборник, как «ответ Чемберлену». Украинцы про людоедство — и мы про людоедство, они про что-то — и мы про то же самое, но в России.

Когда все это начиналось, я работал в Пензе и однажды оказался в гостях у Олега Витальевича Хлевнюка, моего старого друга. В свое время он привлек меня к международному проекту, который осуществлял Манчестерский университет. Проект предусматривал изучение истории распада СССР и в качестве объектов для изучения взяли несколько регионов бывшего СССР. Я три года работал в нем по материалам Пензенской области, в результате подготовил публикацию о пензенской бюрократии, в кото-

рой на наших материалах показал, что произошло с советской бюрократией и почему распался СССР. Выяснил, что в 1950–1960-х годах при Хрущеве и дальше произошло качественное изменение местной элиты. Если при Сталине все чиновники были «временно освобожденные от смертной казни», как говорил Михаил Львович Левин, были пришлыми и их «тасовали» как карточную колоду, чтобы они не вращались корнями, то после войны элиты сложились из местных — кто воевал, был воспитан при советской власти, являлся местным патриотом, а дальше у них появились дети и все рухнуло. Я, кстати, опрашивал бывших директоров пензенских заводов и партработников. Все это было опубликовано. Олег Хлевнюк был и остается главным «сталиноведом» страны, знатоком сталинизма. По этому поводу я ему как-то сказал: «Олег, тебя заинтересует одна фраза Михаила Львовича: «Сталинизм был полезен для страны во всех отношениях, кроме одного: он страдал избыточным терроризмом», не было необходимости в убийствах, они связаны с характером вождя, с психопатологией. Занимаясь голодомором, я жил в Москве в гостинице архива и однажды приехал к Хлевнюку в гости. В это время на «высшем уровне» решался вопрос о том, надо ли нам начинать кампанию по увековечиванию голодомора, как на Украине, — памятники везде ставить, чтения всякие... Создавать таким образом идентификацию новую, российскую, на трагедии, как на Украине или в Израиле — консолидировать общество на этом. И я помню, выступал против, не нужен нам этот ущербный вариант.

А. М. НИКУЛИН: Кстати, это точка зрения и Левина. Он говорил, что не следует народную идентичность строить исключительно на исторической трагедии. Ее надо созидать на чем-то жизнеутверждающем, радостном, победном, а не только на трагедии.

В. В. КОНДРАШИН: У нас точно можно обойтись без этого! Я считал, что лучше создать серьезный научный труд, который был бы настолько убедителен, что сложно было бы что-то против него возразить. А насчет увековечивания голодомора — дать на откуп регионам — кто хочет, пусть этим занимается. Так и случилось. Владимир Петрович Козлов, тогда директор Федерального архивного агентства, поставил задачу: в течение года создать сборник, включив в него документы о голоде в России, показывающие, что в России было то же, что и на Украине, мы были такими же пострадавшими. В это время я уже активно полемизировал с украинскими коллегами, ездил на Украину, у меня появился круг украинских исследователей, с которыми мы вели полемику — Станислав Кульчицкий, Юрий Шаповал, Василий Марочко. Был случай в Конча-Заспе, резиденции под Киевом, где проходила очередная конференция по голодомору. Я там выступал. Мы сидим с украинскими коллегами в неформальной обстановке, спорим, и вдруг Марочко заявляет со слезами на глазах: «Вони ж з незахованніми очами лежать (в моги-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

лах!)» («С незакрытыми глазами они лежат в могилах!»). Это все умершие. Я ему: «Да ты что?! Разве себя можно так казнить, 100 лет назад почти было!» И еще была интересная дискуссия в Вицнице, где был Джеймс Мейс, такой гуру на Украине. Я ему подарил свою книжку, написанную с американским историком Дианой Пеннер о голоде в Поволжье, на Дону и Кубани. И Мейс потом мне на следующий день говорит: «А я не знал, что голод был в России!» А потом была вечеринка, и там по-русски Мейс произнес тост. В ответ ему Оксана Пахлевская, завкафедрой украинистики в Римском университете, такая ярая украинская патриотка: «Шо за русификация такая идет?» В то время я активно вел дискуссию по данной теме. Стивен Уиткрофт, австралийский историк и демограф, мой старый коллега и друг, создал международную группу для реализации проекта «Мировой голод в XX веке», прошли конференции в Австралии, Китае, в некоторых других странах, я на них общался с украинскими коллегами. И когда начался проект Федерального архивного агентства, я соборил о нем Хлевнюку, который мне сказал: «Ну что ты будешь им уподобляться? Ты же из Пензы, можешь говорить, что хочешь». И я сказал Елене Александровне Тюриной: «Давайте будем делать не наш «ответ Чемберлену», не хрестоматию, а большой проект!» Идею поддержал Владимир Петрович Козлов, и мы вместо одной книги сделали четыре. Вместо одного года сделали их четыре — реализовался огромный проект «Голод в СССР». И Олег помог тогда, посоветовав: «Лучше издать основные документы, собрать все что можно из архивов». У нас была международная группа, но украинцы участвовать в ней отказались.

В 2008 году, по-моему, мы организовали закрытую выставку для комиссии ПАСЕ в Москве, которую возглавлял Чавушоглу, нынешний министр иностранных дел Турции. В то время в ПАСЕ, по инициативе Украины, рассматривался вопрос о признании голода 1932–1933 годов геноцидом украинского народа. Комиссия Чавушоглу приехала в Москву по этому вопросу. Мы на планшетах разместили основные документы о голоде в СССР (кстати, сейчас эти планшеты лежат в Институте истории). Я вел выставку. Подводим Чавушоглу к стенду, где материалы о людоедстве. Он говорит: «Вот, в Киеве показали сколько дел о людоедах!» Я ему: «А что, вы хотите, чтобы мы вам тоже показали столько же дел о «наших» людоедах? Что, соревнования будем устраивать — у кого съели больше людей? Это же безнравственно и антинаучно! Важнее объяснить, почему это было в принципе. Почему было так на Украине, почему так было здесь». Три тома в четырех книгах «Голод в СССР» были изданы. В 2013 году не хотели портить отношения с украинцами. Я и мои коллеги столько труда положили на эти книги! Мне за них даже бутылку водки не поставили, причем мы сделали эту работу за гроши, если сравнивать с тратами на голодомор в Украине.

Сейчас эти книги не купишь нигде, все распроданы. Особенно третий том, который посвящен проблеме жертв голода и международной реакции на голод. Нам еще Фонд «Историческая память» Александра Дюкова помог найти документы Лиги наций, швейцарского Красного Креста о голоде в СССР, мы и их опубликовали. Серьезнейшая научная работа была проделана! Благодаря ей тема сталинского голода получила всестороннее документальное освещение. В ходе этой работы мы нашли кучу ляпов и слабых мест у наших украинских оппонентов. Я рад, что ты, Александр, опубликовал на эту тему в «Крестьяноведении» мою статью об ответственности республиканского руководства и союзного центра за организацию голода в Украине. Была региональная специфика коллективизации, хлебозаготовок, реакции власти на голод. В СССР было несколько регионов, где местная власть соревновалась за право быть первой в проведении коллективизации и хлебозаготовок: это Украина, Казахстан, Республика Немцев Поволжья. Причем первым, кто заинтересовался проблемой голода в стране, оказался Сталин, который 25 апреля 1932 года написал письмо по поводу голода С. В. Косиору, генеральному секретарю Украины (тогда, учитывая роль Украины, было два генеральных секретаря — Сталин и Косиор). И Косиор ответил: нет никакого голода, имеют место лишь отдельные его случаи. Но страшный голод там уже наступил весной 1932 года. И благодаря этому обо мне узнали в Пензе, стали называть «ученым с мировым именем» и прочее. Это помогло попасть в депутаты. Мне нравилось общаться с людьми, с молодежью. Я пришел к выводу, что оптимальным вариантом государственного устройства России и функционирования ее политической системы является сильная исполнительная власть с опорой на демократическое местное самоуправление. Для такой страны, как наша, нужна сильная вертикаль, которая следит за законом и обороной, а на местах все делают сами люди, так, как считают нужным. Ну такая своего рода «Земская идея».

А. М. НИКУЛИН: Одна из «идеальных моделей»: царь непосредственно на толщу земского самоуправления опирается.

В. В. КОНДРАШИН: Да. И когда мы делали сборник о голоде, то у меня важным сюжетом был внешний фактор: в какой степени «внешний фактор» повлиял на коллективизацию и т.п. Возник сюжет, связанный с ситуацией в Азии и нужен был специалист по Японии, японскому империализму, чтобы разобраться с ситуацией на Дальнем Востоке (Манчжурский инцидент, конфликт на КВЖД и др.), который бы пояснил, была японская угроза или нет? Готовилась тогда Япония к войне с СССР или нет? В 2011-м, после катастрофы на Фукусиме, исполнилось 65 лет моему другу, профессору Хироши Окуда. Мы с ним в начале 2000-х организовывали научный проект «Современные российские и японские исследователи сельской истории России XX века», тогда был по-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

лучен грант, на средства которого удалось провести семинары и исследования. Поэтому я попросил Окуду найти специалиста. Он нашел профессора Киосукэ Тэраяму из университета Тохоку, который занимался японским милитаризмом и изучением ситуацией в Азии, защитил докторскую «Сталин и Синьцзян», опубликовал статьи о Маньчжурском инциденте. Я познакомился с ним, и он сделал комментарий для третьего тома по японской военной угрозе. В 2015-м, когда я работал в Пензе, Тэраяма написал, что университет Тохоку хочет пригласить меня в Японию. Я подал заявление и поехал на очень хороших условиях. Возвратился из Японии и начал думать, что делать дальше. И тут неожиданно губернатор говорит о том, что в Совете Федерации — вакансия и мою кандидатуру вместе с другими подали на утверждение. И неожиданно утвердили! Так я попал в Совфед в Комитет по науке, образованию и культуре.

Одновременно я сотрудничал с Институтом российской истории, встретился с директором, говорю: «Юрий Александрович, у меня мечта — работать в Институте истории и умереть там на работе». Он предложил мне совместительство, чтобы восстановить бывший Аграрный центр, но не как Аграрный, а как Центр экономической истории. Я попросил: «А можно в 31-м кабинете будет Центр, где был кабинет Данилова?» Там и Шанин был, и Берелович. Он согласился. И я по совместительству стал руководителем Центра экономической истории Института российской истории РАН, находясь в Совете Федерации. Конечно, моя работа в Совфеде была связана с наукой, например, решался вопрос о том, как избирать президента Российской академии наук, и, по-моему, я был единственным, кто выступил против того, чтобы кандидатуру президента Академии наук согласовывал Председатель Правительства. Я сказал, что согласование всегда осуществляет Первое лицо. На что мне ответили: «Владимир Владимирович отказался от этого!» Я сказал: «Ну давайте его еще раз попросим!» Внес поправку в закон о выборах президента РАН, в соответствии с которой президента РАН должны были избирать не из 2, а из 3 кандидатов, чтобы был настоящий конкурс. А также, чтобы кандидаты на эту должность согласовывались Президентом РФ. Сначала в моем комитете в Совфеде мне говорили: «Да, да!», но когда речь зашла об официальном обсуждении, все отказались. Поправку отправили в Комитет по науке и образованию в Госдуму, который возглавлял Никонов. Я пришел на его заседание, где присутствовал и представитель Правительства. Никонов объявляет: «Вот, еще есть поправка, которую предлагает член Совета Федерации Кондрашин. Но вот он что предлагает? Он умаляет авторитет Российского Правительства! Не доверяет Правительству вопрос о согласовании президента РАН!» Все сидят, ха-ха, хи-хи. И вдруг неожиданно я получаю поддержку от Жореса Алфе-

рова, нобелевского лауреата. Он напоминает — как было при Александрове, как первые лица согласовывали президентов АН СССР и т.д. В результате Алферов проголосовал «за» мою поправку, все остальные — «против». У меня даже есть фото этого заседания в Думе.

Еще пример моей деятельности в Совете Федерации: мой друг рассказал историю про Владимира Павловича Ковтуна, легендарную личность в Афганистане, который отбил у душманов «Стингер». За это ему полагалась Звезда Героя СССР, но не дали из-за характера и по другим причинам. Он был в Совете ветеранов ГРУ, владельцем птицефабрики во Владимирской области. Я приезжаю к нему на фабрику, встречаюсь с председателем Совета ветеранов ГРУ, затем выступаю на пленарном заседании Совета Федерации, рассказываю историю про Ковтуна. Валентина Ивановна Матвиенко удивилась, конечно. Создали комиссию во главе с Озеровым, председателем Комитета по обороне и безопасности, чтобы разобраться с этим вопросом. Вышел указ В. П. Путина о присвоении Ковтуну звания Героя! В «Крокус-Сити» состоялась официальная церемония празднования, меня тоже пригласили. И один сенатор, очень известный «афганец», Герой России, выступает с тостом: «Мы сидим, и вдруг какой-то историк из Пензы рассказывает нам про нашего товарища, которого знает весь спецназ России!» Еще я как сенатор по инициативе Рудольфа Германовича Пихоя поднял вопрос о странной системе публикаций наших ученых из Академии наук, которые должны проходить через американскую систему рейтинга. Это была целая история. Смысл в том, что это был канал утечки нужной информации и обогащения узкого круга лиц Президиума РАН. Я выступил на эту тему на пленарном заседании Совета Федерации, просил привлечь прокуратуру, ФСБ и расследовать деятельность лиц в Президиуме РАН, ответственных за все это. Но когда сложил полномочия члена Совфеда, все «ушло в песок». Не удалось довести дело до конца. Также я пытался защищать музей Рерихов от его фактической ликвидации как самостоятельной единицы Минкультом. Был интересный эпизод с московским «Жилищником» — в ютубе можно найти ролик о том, «как плохо себя ведет сенатор Кондрашин», выступивший на стороне жителей одного московского дома, пытавшихся отстоять свое право на владение подвальными помещениями.

А. М. НИКУЛИН: Музей Рерихов — это рядом с Пушкинским музеем?

В. В. КОНДРАШИН: Да. Пытался сохранить его статус, но не удалось, потому что я ушел из Совета Федерации. В общем, я был, наверное, не очень «удобным» сенатором. Хотя я знаю, что отношение ко мне со стороны Валентины Ивановны Матвиенко было уважительным. В политическом плане я был не таким, какие сейчас нужны в подобных учреждениях, оставался научным человеком, историком.

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

А. М. НИКУЛИН: Ты создал свой научный центр — какие у него основные научные темы?

В. В. КОНДРАШИН: Если говорить о «главных объектах» Центра экономической истории ИРИ РАН, то объект № 1 — «История России» в 20 томах, которая делается сейчас нашим институтом с привлечением ученых различных учреждений, из разных стран и т.д. Я являюсь ответственным редактором 12-го тома, посвященного истории Гражданской войны в России. Мы подготовили рукопись объемом 110 листов, в 2 частях, сейчас ее дорабатываем. В ее создании приняли участие 36 докторов наук. Мой соредактор Владислав Иванович Голдин, замечательный историк из Архангельска. В рамках этого проекта я готовлю главы о крестьянстве и сельском хозяйстве второй половины XIX — первой половины XX века. Сейчас в ежегоднике «Экономическая история» вышла моя статья против Михаила Давыдова, его вывода об отсутствии «голодного экспорта» и т.д. То есть это первый объект, и в нем тоже участвуют сотрудники Центра: Олег Борисович Мозохин, Ольга Михайловна Вербицкая, которая является специалистом по современной аграрной реформе.

Второе направление — это очень важные проекты, которые наш Центр экономической истории осуществляет с Федеральным архивным агентством. Это два больших проекта — «Трудные вопросы общей истории России и Казахстана». Мы готовим огромный том на эту тему. Все документы в казахских и российских архивах выявлены уже. Я — ответственный составитель, научный редактор и руководитель большого коллектива. Второй большой проект «Восстановление развития народного хозяйства Белоруссии», в частности, это восстановление и развитие сельского хозяйства и промышленности советской Белоруссии. Мой партнер в Белоруссии — Владимир Селеменев, очень известный архивист и историк. Проект курирует Министерство культуры и архивов Республики Беларусь, Федеральное Архивное агентство России. Оба проекта осуществляются на базе Российского государственного архива экономики. Мы издали первый том «Восстановление сельского хозяйства советской Белоруссии 1943–1945 годов», в нем белорусские и российские документы; сейчас готов второй том, период с 1946 по 1950 год. Еще важная работа в нашем Центре — издание ежегодника «Экономическая история», авторитетного в кругах специалистов издания, его ученый секретарь Александр Бессолицын. У меня там опубликована вышеупомянутая статья («Аграрная политика и сельское хозяйство, аграрная политика России во второй половине XIX — начале XX вв.») на четыре авторских листа, в ней я пытаюсь сказать то, что постоянно говорил Шанин: «Для того чтобы понять истоки великой российской революции, нужно использовать региональный подход».

Еще мы делаем проекты, поддержанные РФФИ. Их три. Первый: «Кредитование сельского хозяйства в СССР в годы НЭПа»

(вместе с директором Архива экономики Еленой Александровной Тюриной). В рамках этого проекта предпринимается попытка охарактеризовать процесс развития передовых крестьянских хозяйств. Чтобы понять потенциал НЭПа, будут показаны масштабы финансирования сельского хозяйства и перспективы его финансирования в принципе. Ставится вопрос, в какой степени были жизнеспособны крестьянские хозяйства с точки зрения экономического роста? Если бы им дали больше денег, была бы другая политика выхода из кризиса и т.д.? Второй большой проект по линии РФФИ, который мы делаем с Архивом экономики, — о Совете экономической взаимопомощи: о его создании и функционировании на материалах секретариата СЭВ. Это уникальные документы, которые раскрывают механизм формирования СЭВ, истоки современных проблем ЕС и бывших республик СССР. К концу года запланирован выход сборника документов на эту тему, видимо, факсимильный, с размещением на сайте РГАЭ. Третий проект — по Великой Отечественной войне «Алтайские деревни в годы войны», в нем выдвинута гипотеза, что в основе всех результатов хозяйственной деятельности колхозников был административно-репрессивный механизм и управленческий фактор. Конечно, у нас идут и серьезные авторские темы. Например, Олег Борисович Мозохин занимается проблемой экономической безопасности в советской России, им опубликованы интереснейшие материалы, например документальная серия на тему хлебозаготовок в периоды коллективизации и голода: «Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки» и после «Великого перелома». Кроме того, мы издали три тома документов на тему так называемого «вредительства» в экономике СССР в годы первой пятилетки, в промышленности и сельском хозяйстве. Олег Мозохин совсем недавно опубликовал книгу о следственном деле «Трудовой крестьянской партии».

А. М. НИКУЛИН: Мы собираемся опубликовать в нашем журнале на эту книгу рецензию.

В. В. КОНДРАШИН: Еще у нас есть большая цель — издать сборник документов о состоянии животноводства в первой пятилетке. Александр Алексеевич Бессолицын разрабатывает тему истории предпринимательства России на рубеже веков, он интересно пишет о потенциале предпринимательства, о позитиве, который был связан с деятельностью активных представителей предпринимательства России. Тогда имел место феномен российской экономики — наличие активных и прогрессивных предпринимателей, которые и о рабочих заботились, и о развитии страны, занимали прогрессивные позиции. Это не тот образ капиталистов, который мы знаем. Игорь Николаевич Слепнев издал замечательную работу о Петре Ионовиче Губонине — вот уж образец прогрессивного предпринимателя, сумевшего направить огромные средства на благотворительность, на развитие страны. Построил железные дороги, Крым обустроивал, сколько сделал

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

для бедных! Таким образом, в Центре сформировалось направление по изучению истории предпринимательства в России. Еще одно — анализ современных аграрных реформ. Ольга Михайловна Вербицкая написала книгу о селе периода 1980–1990 годов, которая признана лучшей монографией Института российской истории! Автор получила премию за эту книгу. Сейчас Вербицкая занимается аграрными реформами 2000-х годов. Также в Центре исследуются сюжеты, связанные с экономической историей стран Прибалтики, Украины и Белоруссии. Это делает Александр Дюков, который издал несколько сборников документов на эту тему. Вениамин Федорович Зима занимается продовольственной проблемой в годы НЭПа. Есть и другие сюжеты, о которых можно долго говорить.

А. М. НИКУЛИН: Это же огромный спектр интереснейших и важных направлений историко-экономических исследований!

В. В. КОНДРАШИН: Мы делали презентацию Центра, показали, сколько книг у нас вышло за последние годы — их огромное количество. Только у меня вышло 114 публикаций за 4 года. Из них 5 монографий и сборников документов. Мы сейчас пытаемся это все актуализировать. У нас есть идея — наладить творческие отношения с нашими коллегами, в частности с Центром крестьяноведения. Очень хорошо, что я являюсь членом редколлегии журнала «Крестьяноведение» — есть планы по этой части. Особенно хотелось бы продолжить традиции, заложенные Даниловым и Шаниным.

А. М. НИКУЛИН: Да, перспективы нашего сотрудничества еще надо обсудить и над ними подумать. А каковы твои личные творческие планы?

В. В. КОНДРАШИН: Личные творческие планы связаны с завершением многотомной «Истории России», текстов по аграрной истории в 9, 10, 12, 13-м томах. Конечно, это планы по реализации проектов РФФИ, о которых я говорил. Еще у меня есть большой проект, связанный с Пензой. Называется он «Документальная история Пензенского края». Планирую издать первый том «Пензенский край в годы Гражданской войны», посвященный событиям 1918 года. В 2014 году мы сделали огромную книгу — сборник документов в двух томах «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны», в Праге издали, объем — 100 листов. С доктором исторических наук Нонной Сергеевной Тарховой на базе Российского государственного архива социально-политической истории готовим документальную серию «Военная переписка Троцкого», выходим на финишную прямую, подготовили первый том, где представлены телеграммы Троцкого из его поезда за каждый день. Основная переписка — когда он стал ездить. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 1918 года. Там интереснейший сюжет о Чапаеве! Я в восторге от Троцкого как военного деятеля, мне его даже немного жалко. По сути дела, он был реальным руководителем Красной Армии, за-

нимался кадрами и снабжением, ввел систему материального поощрения, защищал военспецов, прекрасно разбирался в военном деле, понимал значение материального стимулирования красноармейцев. Денежные премии, подарки, ордена — все это он организовал на достойном уровне. Когда читаешь Троцкого, его деятельность каждый день — это очень интересно. Как я уже сказал, работаю по теме этой переписки с Нонной Сергеевной Тарховой, которая хорошо знала Теодора и Данилова. Она главный архивист томов по крестьянской революции, другим проектам Данилова — Шанина: составитель сборника документов о Филиппе Миронове, об «Антоновщине» и т.д. У нас планируются отдельные сборники о Троцком в 1918, 1919, 1920 годах. Потом будет о нем книга «Троцкий и Красная Армия». Еще хотелось бы написать книгу о Махно, как он воевал. Махновщина — это уникальное явление в мировой партизанской крестьянской войне. Из моих личных творческих дел забыл упомянуть факт участия в создании вышедшей в этом году трехтомной энциклопедии Гражданской войны. Написал для Энциклопедии больше 100 статей, рецензию о ней в «Вестник РФФИ», где сравнил три энциклопедии: советскую 1987–1989 годов, трехтомник «Энциклопедия Гражданской войны 1917–1923 гг.» и указанный трехтомник, в котором крестьянский аспект Гражданской войны представлен моими статьями (крестьянские восстания, сельская экономика и т.д.). Я добился, чтобы в энциклопедии были статьи о крестьянских вожаках. Также с 2020 года на меня возложена высокая ответственность — вместе Антоном Горским быть председателем Симпозиума РАН по аграрной истории Восточной Европы, старейшего научного форума российских аграрников.

А. М. НИКУЛИН: У тебя собственные «исторические фронты» исследований, причем эпохальные!

В. В. КОНДРАШИН: Поэтому я ничего и не успеваю! У меня еще в Пензе идет целый проект по линии РФФИ «Пензенская область в годы Великой Отечественной войны». Для души хотелось бы, чтобы мы встречались в рамках семинара, о котором я упоминал, восстановить традицию обсуждения умных книг и умных людей по аграрной тематике в рамках нескольких научных центров. Не симпозиум по аграрной истории, а именно рабочий семинар, где обсуждаются интересные исследования или актуальные вещи, а потом рассказать об этом на страницах журнала — «Крестьяноведения» или какого-то другого. Я ж еще главный редактор ВАКовского журнала «Известия вузов Поволжья. Серия гуманитарные науки» Пензенского университета. И Шанин был в редколлегии «Известий», я там о нем написал юбилейную статью. В 2015 году, когда мне вручали премию «Лучшие книги России», которую учредили «Ленинка», Русское географическое общество, Фонд Андрея Первозванного, за серию моих книг по аграрной тематике. Я сказал на награждении, что за свою жизнь не про-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

дал ни одной книги. Все вроде — ха-ха, никто не читает? Я говорю: да нет, потому что я их дарю! Когда работал профессором в университете, ввел традицию в конце учебного года дарить лучшим студентам свои книги. Если будет все хорошо, то когда-нибудь приступлю к главному труду своей жизни — книге «Крестьяне в СССР».

А. М. НИКУЛИН: Великолепный замысел!

В. В. КОНДРАШИН: Сейчас могу подготовить книгу: «Сельское хозяйство и аграрная политика в России эпохи индустриальной модернизации» на основе своих публикаций, получится интересная история. По НЭПу кое-что есть, мы же индустриальную модернизацию заканчиваем довоенным периодом, понятно, что тогда она прошла. И у меня накопилось масса того, что можно собрать и издать. Как говорил Михаил Левин: «Что такое книга? Это сборник твоих статей, которые ты 5–7 лет где-то публиковал». Собираешь их вместе, еще пишешь что-то — и вот книга. Я уже много написал, книг 15...

А. М. НИКУЛИН: Да это классический академический путь создания монографии — серия основательных статей, а потом они перерабатываются общим сюжетом создаваемой книги. В этот год твоего шестидесятилетия я желаю тебе создать еще очень много новых замечательных статей и книг. Интересная получилась у нас беседа. Спасибо!

“If you are engaged in scientific research, you must have courage!”

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. 117292 Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Abstract. The interview with the DSc (History), Professor V. V. Kondrashin presents the milestones of his biography in the historical context of the Russian science and politics in the 20th — 21st century. This biographical reflection includes the events of childhood that awakened his interest in history, the difficulties in the academic career of a young man of the people, the historian's survival under the social crisis of the 1990s. An important part of the interview is formed by Kondrashin's memories of his teachers in school and university — V. V. Danilov and V. V. Kabanov, M. Levin and T. Shanin. Another significant part of the interview focuses on the most important issues of Kondrashin and his colleagues' historical research, mainly the history of the Russian and Soviet countryside under revolutions and reforms of the 20th century (peasant wars, NEP, collectivization, World War II and the late Soviet period of agrarian history). The interview was not limited to the Russian historical context — Kondrashin mentions international scientific projects such as the study of the 1932-1933 famine in the USSR, and of the

survival and development of the Soviet Union in the interaction with its close and distant neighboring countries. Kondrashin describes the cooperation of Russian scientists with their colleagues from Ukraine, Belarus, Kazakhstan, Eastern Europe, France, England, USA, Japan and Australia. A special part of the interview presents his reflections on the 'historian and power' issue. Due to his active social position, Kondrashin was engaged in various social-political activities, including his work as a Senator of the Federation Council. The interview ends with a discussion of his scientific plans for the year of his sixtieth anniversary.

Key words: history, peasantry, revolution, reforms, NEP, collectivization, USSR

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»